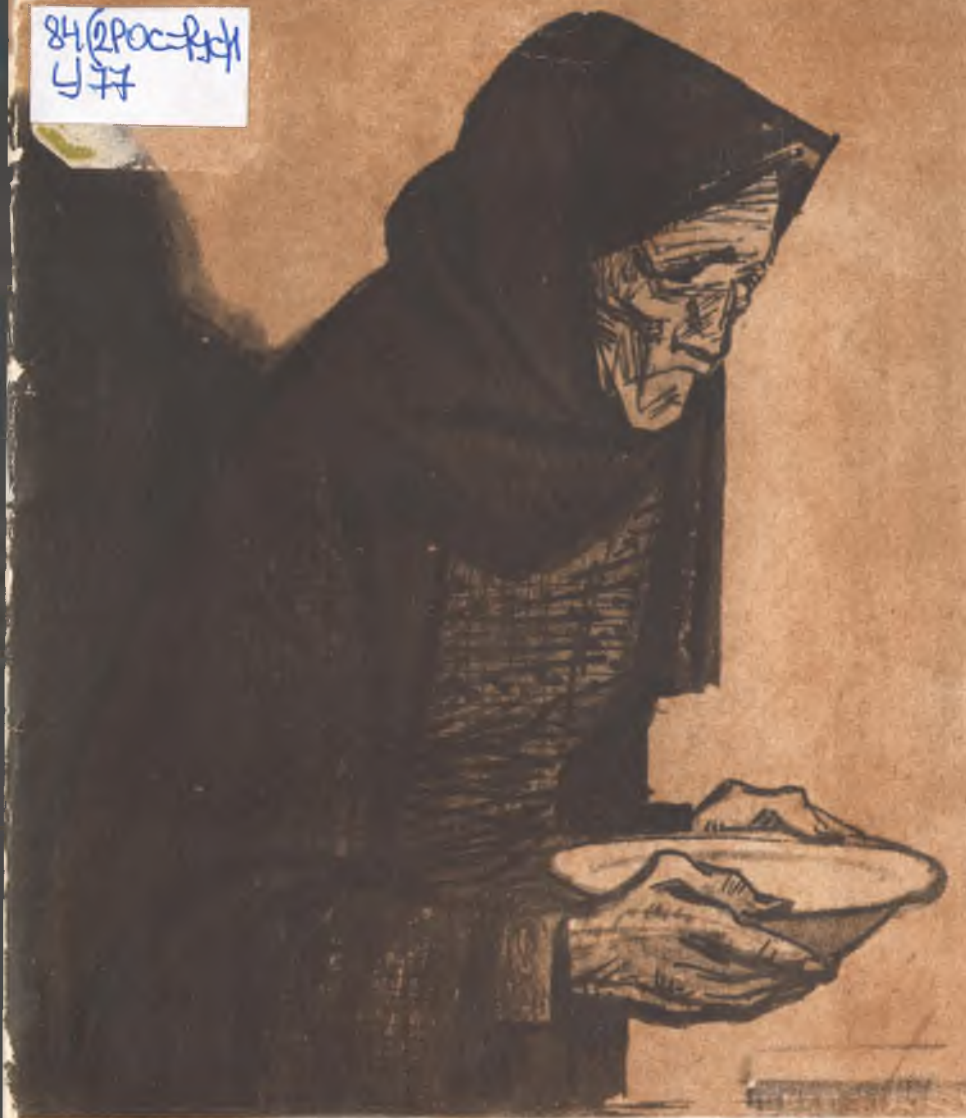

84 (2) Рос-ЛН
У 77

Г. И. У С П Е Н С К И Й

Чуткое сердце

ДЕТГИЗ · 1959

842Рос-Рис/1
Р1
У77
БЛИОТЕКА

Г. И. УСПЕНСКИЙ

**ЧУТКОЕ
СЕРДЦЕ**

156

Рисунки Е. МАРКЕВИЧА
Прекатургская областная
детская библиотека

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА 1959

НЕВИДИМКА АВДОТЬЯ

1

...Первым делом по приезде моем в г. N была, разумеется, необходимость найти квартиру. Приятель мой, служивший в N-ском обществе взаимного кредита (он-то и переманил меня в N из г. ***, где я служил на железной дороге), зашел за мною поутру в скверненький номерок «Славянской гостиницы», и мы вместе отправились на поиски. Сначала, конечно, некоторое время мы употребили просто на обзор «нового» города, но когда оказалось, что он точь-в-точь такой же, как и тот, из которого я приехал, только дома и церкви, совершенно похожие на дома и церкви старого моего пепелища, расставлены в ином порядке, чем там, — тогда мы, в сотый раз убедившись в однообразии наших губернских и уездных местожительств, усердно приступили к нестложному делу, — и вскоре квартира была отыскана.

Здесь я должен сказать два слова о себе и о своих записках, чтобы читатель знал, с кем он имеет дело и какие именно записки придется ему читать. Я человек, как говорится, маленький. С семнадцати лет, едва окончив гимназию, я принужден был «кормить» большую семью, оставшуюся «без средств» после смерти отца. С семнадцати лет я должен был служить, то есть *наниматься* на то или другое место, за то или другое вознаграждение, и, разумеется, размеры вознаграждения имели в жизни моей большое значение: живешь-живешь где-нибудь, получаешь рублей пятьдесят, вдруг какой-нибудь приятель пишет — «приезжай! есть место на семьдесят!», и волей-неволей приходится разрывать начавшиеся в г. N знакомства и связи и ехать, иной раз на другой конец России, входить в новые связи, новые знакомства, а потом опять, от какой-нибудь прибавки в несколько десятков рублей, снова разрывать их. «Наемному» человеку, понукаемому нуждой, нельзя иначе и поступать.

Скучна и холодна такая жизнь, и вот такую-то жизнью я прожил тридцать пять лет, выжидая, куда подрастут братишки и сестренки и получат возможность сами добывать себе хлеб. Из этой автобиографии читатель может видеть, что записки мои не могут обещать чего-либо особенно занимательного; жизнь прошла среди смешанной толпы таких же почти «нанимающихся» на разные работы людей, как я сам, но все-таки это была жизнь; все-таки кое-что я переживал душой, кое-что меня сильно волновало, занимало, а иной раз и до слез трогало. Вот я и хочу, от скуки, от нечего делать и, пожалуй, частью оттого, что литературная работа доставляет мне гораздо более удовольствия, чем работа над банковыми книгами, записать кое-что из моих воспоминаний, и если начинаю с г. N, а не с г. *** или с какого-либо другого места моей разнообразной

служебной географии, то просто потому, что мне почему-то кажется, будто так будет лучше. Я, собственно, не знаю, «с чего начать?», и начинаю поэтому с чего-нибудь.

2

Итак, я при помощи товарища нанял квартиру со столом, в две комнаты. Ход в эти две комнаты был со двора, совершенно отдельный от хозяев, и квартира сообщалась с хозяйской половиной только через кухню. Оказалось, что месяца два тому назад эти две комнаты занимал сам хозяин, «отставной чиновник, ходатай по делам», отец многочисленного семейства, которое все теснилось в другой половине маленького дома, выходявшей окнами на улицу. Ровно два месяца тому назад ходатай по делам и отец многочисленного семейства, отправившись с какими-то доверителями¹-купцами в уездный город на «мировой съезд», вывалился из тарантаса, причем случилось как-то так, что доверители навалились на него, а на доверителей навалился тарантас; может быть, к тому же кто-нибудь из них был пьян, а может быть, и все они, не исключая ямщика, были под хмельком, — точных подробностей никто не знал, даже и из семейных, но в конце концов ходатай по делам оказался мертвым, один из доверителей опасно ушибленным, а другой доверитель и ямщик кое-как добрались до города и объявили семейству ходатай по делам:

— Помер хозяин-то!

Хозяина привезли, похоронили, и многочисленное семейство осталось без хозяина, то есть неожиданно-негаданно, от какой-то случайности, образовалась целая куча народу, и взрослого и маленького, без средств, без

¹ Доверитель—лицо, выдавшее кому-либо доверенность.

цели жизни, без знания жизни, словом, без кормила и весла. Такая крайняя беспомощность, неизбежный результат семьи, в которой на первом плане фигурирует «глава», а все остальное толчется только вокруг этого самого главы, хорошо мне знакома; и потому едва хозяйка дома, показывая комнаты, отдававшиеся внаем, со слезами на глазах рассказала историю с тарантасом, а главное, едва я увидел эту недоумевающую толпу женщин и детей, толпившихся в дверях, как мне тотчас, и притом совершенно ясно, представилось и прошлое этой семьи и ее настоящее.

Не было никакого сомнения, что «покойник» был истинный кормилец и подпора всего этого люда. Разумеется, он, как говорится, «пер на своей шее» тяжелую ношу расходов, добывал деньги на эти расходы как и где мог, думал об этой добыче день и ночь, брал ее где нахрапом, где поклоном, словом, работал в поте лица, но работал только потому, что чувствовал на своей шее «обузу». Очевидно, что он и отгородил себе эти две отдельные комнатки для того, чтобы ему эта «обуза» не докучала. Он доставит ей поросенка, притащит рыбу, купит кусок холстины, материи, словом, все сделает, потому что на нем «хомут» и нельзя не идти в хомуте, когда «обуза» толкает в спину, но, работая как вол, он делает это под непременным условием, чтобы в его дела «не совали носа». «Не суйся», «не лезь», «не твое дело», «знай свое дело», «у меня и без вас есть об чем подумать» — вот требования и мотивы их, которыми непременно должно было руководствоваться семейство покойного ходатая. Мне представлялось, как он, добыв где-нибудь штуку материи, сунет ее жене, скажет: «на!» — и уйдет в свою половину читать бумаги, а жена, и бабушка, и дочь примутся рассматривать материю, хвалят рисунок, пробуют добротность, проектируют наряд и потом уложат материю в комод, оставаясь в пол-

ном неведении того, как она досталась «главе семейства», за какие труды, за какие дела. Покойник, очевидно, был вполне уверен, что «все они» ровно ничего не понимают (да это и действительно справедливо) и ровно ничего не поймут, если бы даже «их» собралось в двадцать раз больше, и что поэтому для всех их весьма достаточно просто сказать — «на!» и уйти. Очевидно было для меня также и то, что и семейство покойного, начиная от бабушки до последнего ребенка, было твердо уверено, что ему именно не должно совать носа в дела родителя и хозяина. Они твердо знали, что от «делов», какие делает этот родитель и хозяин, зависит все их существование, и что именно поэтому нельзя, невозможно мешаться в них. Надо всячески поэтому стараться угодить главе, посторониться от него, дать ему дорогу. И вот утром, когда хозяин и добытчик бегают и рыщут по делам, семья занимается тем, что «ждет» его к обеду, кой-чем убивая время (за чаем, за кофеем); после обеда добытчик спит, а семья «не суется» и ждет его к чаю, гадая на картах, сидя под окном и глядя на улицу. Идут года, семья растет, добыча становится труднее, глава уж не просто «прет в хомуте», а «воротит с корнем», а семья, видя это, совсем отвыкает понимать что бы то ни было, кроме нужд и желаний главы, предъявляемых «дома».

И вдруг — смерть! Нет главы, нет смысла ни в обеде, ни в ужине, ни за самоваром; невозможно объяснить, зачем собралась такая куча народу и почему для этой кучи ныне нет никаких денег? Что за безобразие такое? Разве так можно? Разве это справедливо?

Именно в таком невозможно беспомощном состоянии было семейство, в котором я нанял квартиру. Ни бабушка, ни вдова решительно не знали, что им теперь делать. Очевидно, покойник много работал для них и сумел добиться, что они «не знали нужды», но очевид-

но было, что и при покойнике и после него его семейные ровно ничего не понимали ни в жизни, ни в деньгах, ни в добыче их. Это обнаружилось при первом же посещении.

— Сколько же вы желаете за комнату? — спросил я вдову, длинную женщину с белыми глазами, из которых постоянно лились слезы.

— Пятьдесят! — пролепетала она, рыдая, и когда мой приятель, как говорится, «ахнул» от удивления и едва удержался, чтобы не сказать: «опомнитесь!», так вдова еще сильнее залилась слезами.

— Боже мой! — воскликнула она. — Но ведь нам нужно?!

— Надо кормиться-то или нет? Как по-твоему? — басом сказала бабушка, глядя на нас, как на разбойников.

— Кормиться надо, только пятьдесят рублей — это невозможно!

— Невозможно! — басом произнесла бабушка. — А возможно не евши сидеть? Ты должен об этом подумать!

Вдова всхлипывала; дочь, девушка лет шестнадцати, полная, высокая (она пробовала держать экзамен в гимназию, но сконфузилась своего вполне уже женского роста и ушла) и, по-видимому, добрая девушка, зарделась от «стыда» за бабушку, но, как мне показалось, что и она также не совсем хорошо понимала: почему нельзя платить пятидесяти рублей, когда они нужны?

После долгих переговоров кое-как уговорились. За тридцать пять рублей в месяц квартира была нанята со столом.

— Ну, бог с тобой! — заключила торг бабушка. — Живи!

— Что делать! — глубоко вздохнув, произнесла вдова, вытирая глаза. — Делать нечего! Когда нельзя боль-

ше, что же я могу? Но только вы уж, пожалуйста, дайте мне за пять месяцев!.. Уж...

— Помилуйте! Ведь это больше полутора ста рублей! Мне таких денег взять негде!

— Нет, бога ради!

— Ей-богу, я не могу. Спросите у него (я сослался на товарища). Жалованье выдают помесечно.

— Ну, я вас прошу.

— Извините!

Я было хотел удалиться...

— Пожалуйста! — порываясь ко мне, продолжала хозяйка. — Если можно! Ведь вы служите? Где вы служите?

— В банке.

— Во-от! — загремела бабушка, как бы обличая меня.

— Вот видите! — обрадовалась вдова. — Неужели же вы не можете взять из банка? Неужели же они не поверят своему служащему? А мне, я вам откровенно скажу, ужасно нужно!

— Попроси, попроси хорошенько! — советовала бабушка мне. — Ан, глядишь, и дадут!

Надо было много терпения, чтобы доказать нуждавшемуся в средствах семейству всю невозможность этой операции. Да и то, в конце концов, никто из них не поверил нашим доводам, даже девушка и та сомневалась в том, что мы говорим правду. А бабушка только рукой махнула и уж не басом, а шепотом произнесла:

— Ну, бог с вами!

Затем вдова повела нас в свою половину, прося посмотреть продажный стол и поискать для него покупателя. Стол был круглый, окрашенный под орех, но цена ему была семьдесят пять рублей, потому именно, что вдове нужны были такие деньги. Наконец гимназистик первого класса (одевал и платил за него какой-то ку-

156

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете прочитать в Оренбургской областной полиэтнической детской библиотеке по адресу: ул.Терешковой 25;
тел. для справок: (3532) 77-51-01